

И.С. Казюлькина

Булгаков Михаил Афанасьевич
Русский писатель
14.05.1891 (Киев) – 10.03.1940 (Москва)

Кто бы мог предположить, что очередной номер журнала «Москва» за 1966 год вызовет к жизни таинственный недуг с весьма романтическим названием — «Мастер и Маргарита». А между тем фантастическая реальность этого романа буквально сводила с ума, будоражила, не давала покоя. Его читали все — от министра до школьника. И эта читательская эпидемия была явно скандального свойства. В передовой и сплошь атеистической стране всю развивавшегося тогда социализма все бредили романом, в котором правил бал сам Сатана. И с этим уже ничего невозможно было поделать. По чьему-то явному недосмотру роман был напечатан. Более того — он был прочитан! А имя автора — Михаил Булгаков — вдруг вышло из четвертьвекового забвения.

И сразу же стало обрастать легендами. Но что там легенды, когда факты реальной биографии писателя вполне могли соперничать с любым вымыслом.

«...Сын профессора Киевской духовной академии, родился 3 мая [по старому стилю] 1891 года в Киеве. В 1909 году окончил Киевскую первую гимназию, а в 1916 году — Киевский университет по медицинскому факультету.

В 1916–1917 годах служил в качестве врача в земстве Смоленской губернии...» — так сам Михаил Афанасьевич начинает одну из своих автобиографий.

Что было дальше? А что еще могло произойти в России 17-го года? Революция. И война — самая страшная, кровавая — гражданская. Его, как врача, мобилизовали сначала петлюровцы. Сбежал. Потом призвали в белую армию генерала Деникина. Вместе с ней он дошел до Кавказского хребта, который белогвардейцы перевалили в 1920 году. А военврач Булгаков из-за неожиданно свалившего его тифа так и остался в красном Владикавказе. Еле живой, бездомный, затравленный — ведь в городе с завидным энтузиазмом отлавливали бывших белогвардейцев. Именно тогда, в 1920 году, навсегда исчезнет дипломированный врач с крайне опасным прошлым и появится полунищий бродяжка-литератор, который будет братья буквально за все — статьи, фельетоны, лекции, пьесы. Особенно — пьесы! Позже он признается: «В смысле бездарности — это было нечто совершенно особенное, потрясающее». Что ж, поверим Булгакову на слово. Но пьесы все-таки были. И это внушало надежду. Толкало вперед.

А впереди его ждала послевоенная голодная Москва. Булгакова гоняло по всей этой «необъятной и странной столице» одно желание — выжить. И он выживал как мог. Работал сначала сотрудником ЛИТО (о, эти дивные сокращения, в которых сам черт ногу сломит!), потом — в газете «Гудок». И опять он писал заметки, очерки, фельетоны, рассказы. Очень смешные, немного странные, чуть фантастические. И еще роман. Ночами, при коптилке. Роман о навсегда потерянной жизни.

Публикация первой части «Белой гвардии» (1924) не осталась незамеченной. Когда же появилась пьеса по этому роману — «Дни Турбиных», поставленная к тому же лучшим театром страны — Московским Художественным, — имя автора оказалось даже слишком на виду.

Пьеса шла с постоянным аншлагом. Успех был тем более невероятен, что героями ее драматург сделал не кого-нибудь, а недавних врагов Советской власти — белых офицеров. И все это безобразие происходило в самом центре красной столицы, спустя каких-то 5–6 лет после окончания гражданской войны. А фамилия Булгакова невозмутимо красовалась на афишах театра вместе с именами Бомарше, Грибоедова, Гоголя, Чехова.

Согласитесь, это раздражало. И если с Бомарше все более или менее было понятно, то его соседа по афише явно следовало «разъяснить». Ну, натурально, разъяснили!

Ах, какая поднялась травля! Даже словечко ругательное придумали — «булгаковщина» — и заклеили, конечно!

А что же он? А у него в самом разгаре был роман с театром. Он становился знаменитым драматургом. Ругаемым. Но знаменитым. Одна за другой появлялись пьесы: «Зойкина квартира», «Бег», «Багровый остров». В них было все: сатира, гротеск, веселая фантазмагория, стремительное действие, яркие образы. Одного только в них не было — пролетарской точки зрения. Да и где же ее было взять!

Изменить себя Булгаков не хотел и не мог, наверное. Этот странный человек с редким даром гармонического мирозерцания, с его откровенным неприятием всех революций и войн (и в жизни, и в искусстве), с его «упорным изображением русской интеллигенции» как лучшего слоя общества был как-то слишком не к месту и не ко времени. Не только власть предрержащие, но и, так сказать, соратники по перу все более убеждались — Булгаков «не наш» писатель. Итог печален — к 1929 году все его пьесы были запрещены. Прозу не печатали. Театр, который он любил и ненавидел, как живого человека, все более превращался в кладбище его произведений.

Какое-то время он еще работал во МХАТе (режиссером, актером), потом — в Большом театре (либреттистом). Был вынужден писать инсценировки (по произведениям Гоголя, Сервантеса, Толстого). Не брезговал киносценариями. Брался за создание учебника по истории. Да что там — он еще сочинял пьесы («Блаженство», «Последние дни», «Кабала святош»). Но все отчетливее понимал — все его вещи безнадежны. И даже его последняя пьеса «Батум» о Сталине только усугубила дело.

Эта полнейшая безысходность была невыносима. У Булгакова началась тяжелейшая форма «нейрастения с признаками страха и предсердечной тоской». Душевная болезнь вполне могла прикончить его еще тогда, в 30-е годы, если бы не Она. Ее звали Елена Сергеевна. И она была женой. А еще другом, советчиком, секретарем, сиделкой... А позже душеприказчиком и хранителем его рукописей. Но это позже. А пока она переписывала, печатала, правила главы его нового романа.

Да, именно в это страшное время он пишет последний, свой главный роман «Мастер и Маргарита». «Роман о дьяволе», посетившем в конце 30-х годов советскую Москву и изрядно переполошившем местное народонаселение. «Вокруг живой природы, в основе своей достовернейшей, бесом вертится его фантазия, и мысль обретает самые неожиданные формы» (С. Ермолинский). А его перо, его легкое перо «словно пляшет от радости, что оно способно все это мимолетное, беглое, сумбурное, движущееся закрепить, зафиксировать, передать». Автор и сам в постоянном и стремительном перевоплощении — он реалист и мистик, безудержный фантаст и философ, желчный сатирик и нежнейший поэт. Он просто не дает ни себе, ни читателю роздыха. Он гонит, нахлестывает, прищипывает свой роман. Он боится не сказать что-то самое главное, выстраданное — о жизни и смерти, о добре и зле, об ответственности за свои поступки и о Высшем милосердии. Кажется, что этим романом он словно хотел остановить Судьбу и Смерть.

А между тем они уже стояли на пороге. Булгаков умирал долго и мучительно от болезни почек, которая свела в могилу и его отца. И все же он умирал дома, окруженный заботой дорогих и любимых людей, а не где-нибудь в камере на Лубянке, что было по тем временам совсем не исключено.

И кто знает, может быть, именно Смерть и уберегла Мастера и его книги от почти неминуемого уничтожения. Уберегла, укрыла до срока, чтобы через несколько десятилетий вернуть те рукописи, которые (как прозорливо заметил однажды Воланд) не горят, и воскресить живой голос их создателя, навсегда слив его с голосами Алексея Турбина и профессора Преображенского, Мольера и Гоголя, Иешуа, бедного философа из Назарета, и сына короля-звездочета, жестокого пятого прокуратора Иудеи всадника Понтия Пилата.